

An aerial photograph of a tropical atoll, showing a central lagoon surrounded by a ring of white sand beaches and green vegetation. The sky is a deep blue, and the sun is shining brightly in the center, creating a starburst effect. The water is a vibrant turquoise color, and the overall scene is peaceful and idyllic.

Игорь Платонов

КРЫЛЬЯ

КИНОПОВЕСТЬ

16+

Игорь Платонов (Светослов)

КРЫЛЬЯ

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Платонов (Светослов) И.

КРЫЛЬЯ / И. Платонов (Светослов) — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

Актёр Андрей Ладогин имеет все перспективы, он кинозвезда и имеет в жизни всё, что ему необходимо. Внезапный роман вдохновляет Андрея, он предлагает своей возлюбленной роль в новом фильме. Внезапный перелёт из Москвы в Новосибирск – на заключительные съёмки фильма круто меняет всё: авиалайнер терпит катастрофу... Но пока ещё есть время, Андрей Ладогин в самолёте вспоминает всю свою жизнь, понимая, что от этого может зависеть многое, ибо ему было откровение свыше о том, что ему предстоит вынести и осознать... И теперь на грани жизни и смерти он вспоминает всё...

© Платонов (Светослов) И., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

1.

Притяжение небес

Было туманно и тихо. Безветрие наполняло пустынные утренние улицы каким-то странным предчувствием, в котором таилось что-то непредсказуемое. В этом раннем туманном безмолвии возник силуэт человека, он плавно проявлялся по ходу движения. Это был довольно странный тип, одетый в длинное тёмное пальто и в чёрную шляпу, из-под которой сквозил его бездонный взгляд, наполненный какой-то вселенской тоской вперемешку с угрюмой, зловещей иронией, что дополнял его слегка перекошенный рот, выражавший усмешку; в руке он держал верёвки с привязанными к ним огромными крыльями. И он волок эти крылья по тротуару угрюмо и отрешённо...

А в это время где-то высоко в небе терпел катастрофу авиалайнер; шквал немыслимых вибраций сотрясал его, и трагический шок гасил надежды пассажиров, разверзая бездну этой воздушной драмы...

...В квартире Андрея Ладогина зазвонил будильник. Андрей вздрогнул и резко проснулся.

Вскинув голову, он оцепенело осмотрелся... и резко выдохнул:

– Ну и сны...

Встрепенувшись, Андрей отключил будильник. Но тут зазвонил телефон.

Андрей быстро взял трубку:

– Алё...

– Андрей, ну ты как, – собрался уже? – прозвучало на том конце.

– Собираюсь.

– Давай, поторопись. Через три часа уже вылет. Мы сейчас подъедем.

– Хорошо. Я мигом.

Андрей положил трубку и задумался:

«Интересно, на каком лайнере мы полетим?.. И сколько времени лететь до Новосибирска?.. Ещё этот сон бредовый... Как странно всё... Могли бы и здесь съёмки закончить, – Москва большая. Вечно идеи не вовремя...»

Он быстро встал, оделся, умылся и вышел на кухню – заварить кофе; затем наспех позавтракал, попил кофе, закурил... Напряжение его не отпускало...

Между тем к подъезду дома, в котором жил Андрей Ладогин, уже подкатил микроавтобус со съёмочной группой. Сергей Покровский – режиссёр фильма ещё раз по мобильному телефону набрал номер Ладогина.

Андрей ответил полной готовностью и через пару минут уже вышел навстречу друзьям–коллегам, ожидавшим его в машине. Он сел в микроавтобус и под бодрое приветствие киношников без лишних эмоций отдал себя в руки судьбы. Водитель Володя выжал газ, и спецмашина понесла вундеркиндов богемы вперёд – в неизвестное...

– Как жизнь, Андрей? – участливо спросил Покровский.

– Нормально, – сухо ответил Ладогин.

– Куда ж оно денется! – весело добавил Бережнов – директор и попечитель всей этой братии.

– Ты чего такой? – опять поинтересовался у Ладогина Покровский.

– Да так... Какая-то дурь приснилась... – угрюмо ответил Андрей и глянул в окошко – успокоиться скоростью.

Тут опять встрял Бережнов:

– Да ерунда; мне чего только не снилось! Плюну через плечо – да и нормально всё. Главное, чтобы дорожка открыта была. И чтоб никто палки в колёса не совал.

Андрей посмотрел на весёлого Бережнова, улыбнулся и произнёс:

– Спасибо, Витёк, на добром слове. Ату их всех – этих «кошмариков».

И тут все разом гаркнули:

– Ату!!!

И салон микроавтобуса сотрясся от смеха...

– Ну, вы даёте, мужики, – сквозь хохот выпалила Татьяна – визажист группы. – Мы же так врежемся куда-нибудь!

– Не бойсь, не врежемся, – парировал оператор Лёньчик. – Нас все объедут, – мы излучаем энергию жизни! И всем от этого страшно.

– У нас тормозной путь – нулевой, – добавил Бережнов.

– Тормоза на нуле, – подхватил Лёньчик.

– Я и вижу, что вы без тормозов, – резюмировала Татьяна.

На резком повороте микроавтобус тряхануло, и киношники ощутили силу движения автомобиля, укрощающего родные дороги. И это как-то всех умиротворило и обнадёжило.

– Хорошо идём, – констатировал Покровский.

– А можно ещё лучше, – добавил Бережнов.

Так и доехали они до аэропорта – целеустремлённо и весело.

Домодедово дышало туманом... Киношники вылезли из микроавтобуса. Водитель микроавтобуса пожал всем руки и, пожелав друзьям счастливого полёта, уехал. Съёмочная группа направились в здание аэропорта.

– Да, погода мистическая; сыровато. Могут и рейс отложить, – на ходу бросил Покровский.

– Ерунда, у нас в любую погоду летают, – невозмутимо отреагировал Бережнов и, вдохнув полной грудью прохлады, добавил:

– Свежо. Благодать...

Покровский улыбнулся, взглянув на Бережнова, и как-то отрешённо произнёс:

– В любую погоду летают Икары...

Их мимолётный разговор прервал гул взлетавшего авиалайнера, и коллеги быстро вошли в просторный холл аэропорта.

У стойки регистрации Бережнов обратился к женщине, оформляющей багаж:

– Мы всё берём с собой, – это аппаратура.

– Дело ваше, – спокойно ответила женщина, – Подготовьте багаж к досмотру.

Киношники отошли в сторону и, сгруппировав свой техарсенал, подготовились к проходу на посадку. На взлётной полосе авиалайнер готовили к вылету. Пассажиры начали подниматься по трапу в авиалайнер...

– Однако... Не думал, что столько людей манит Сибирь, – с удивлением произнёс оператор Лёня Яснев, а для друзей – просто Лёньчик, глядя на пассажиров.

– Наверное, корни их там... Интересно, где наши, – задумчиво ответил Покровский.

Надо сказать, что режиссёр Покровский был мастером своего дела, – он ведал суть своего искусства и разбирался в людях, ничего не упуская из виду; и даже в состоянии некоторой отрешённости он улавливал всё, что касалось жизненно важной стратегии образа, сокрытой от стороннего наблюдателя, но доверенного ему – режиссёру мира сего, а, стало быть, и довлеющего над ним беспристрастно и чутко; эта странность вскрывала его потенциал в полной мере, обжигая и награждая. Таков удел истинного художника. И за своё искусство он боролся с полной самоотдачей. Но вернёмся к действию. Народ уже пошёл на посадку в авиалайнер; и наши герои, вдохновлённые новыми чувствами, сделали шаг в неизвестное...

В салоне авиалайнера возникла молодая изящная стюардесса с обаятельным взглядом и пленительной улыбкой. Она мягко обратилась к пассажирам с просьбой не загромождать салон багажом... Пассажиры, поместив багаж в верхние отсеки, расселись по своим местам. Съёмочная группа была неразделима и дружна в этом непредсказуемом путешествии; Андрей Ладогин интуитивно сел возле иллюминатора, рядом с ним – Сергей Покровский, левее – Виктор Бережнов, а впереди – Татьяна и Леонид.

Наконец, заработали двигатели, самолёт тронул с места и вырулил на взлётную полосу. Быстро нарастив скорость, авиалайнер плавно отделился от Земли...

– Быстро высоту набрали, – отметил Ладогин.

– Да, уже летим, – отозвался Покровский.

– Надо же, полный салон, – добавил Ладогин, окинув взглядом салон самолёта.

– У нас пустых не бывает. Я вот как-то на Алтай летел, да ещё зимой; так пассажиров было не меньше, – ответил Покровский. – А я думал, что в такое время года туда мало кто желает попасть. Ошибался...

– А что ты на Алтае делал зимой? – удивился Ладогин.

– Да так; небольшая экскурсия, – уклончиво ответил Покровский. – Знакомые позвали, – мол, места у нас интересные, может пригодиться это для работы режиссёрской...

Их разговор прервал мягкий голос бортпроводницы, звучащий в динамиках салона:

– Уважаемые пассажиры, наш авиалайнер выполняет рейс по маршруту Москва – Новосибирск. Высота полёта – десять тысяч метров. Скорость – девятьсот пятьдесят километров в час. Рейс выполняет авиабригада из Москвы. Командир экипажа – Виталий Строгинов. Счастливого полёта!.. Через несколько минут вам будут предложены прохладительные напитки, соки, конфеты, выпечка, а также – сувениры, книги, газеты...

Андрей Ладогин отрешённо уставился в иллюминатор. Невыразимая печаль вдруг охватила его; и он погрузился в воспоминания...

2.

Подарок судьбы

...В Центральном Доме Художника проходила выставка изобразительного искусства. Андрей задумчиво разглядывал одну из картин, это был шедевр Сальвадора Дали – «Христос Святого Иоанна». Иисус Христос, летящий на кресте, ошеломил Андрея своей фантастической мощью, полностью отключив его от внешнего мира... Эту фантазмагорическую интроспекцию внезапно нарушило чьё-то целомудренное внимание. Андрей интуитивно повернулся и увидел возле себя изящную обаятельную женщину с шикарнейшей причёской и одухотворённым лицом. На вид ей было около тридцати лет.

И Андрей, как по наитию, к ней обратился:

– Девушка, извините, как вас зовут?

– Прямо так, – с ходу, – слегка удивлённо и прохладно ответила она.

– Интересуетесь живописью? – невозмутимо продолжил Андрей.

– А вы – женщинами? – иронично подметила невольная собеседница.

– Я – блаженными, – ответил Андрей.

– Ну, тогда вы не по адресу, – оборвала его щепетильная незнакомка.

– В том-то и дело, что по адресу, – настойчиво продолжил Андрей.

В его голосе звучала упрямая просьба с ноткой восхищения, что свойственно лишь людям с утончённым, возвышенным мировосприятием; и незнакомка, вдруг изменившись в лице, тихо произнесла:

– Вы меня интригуете...

– Я сам заинтригован...

Женщина открыто посмотрела на Андрея, овеяв его наивно-удивлённым взглядом.

И она тут же произнесла:

– Моё имя – Анна.

«Анна, Анна... Анна...» – отозвалось эхо в сознании Андрея.

Он встрепенулся и с тихим волнением произнёс:

– Очень приятно. А меня зовут Андрей... Я – актёр. Понимаете, Аня, мы снимаем фильм, и на роль главной героини никак не можем подобрать нужную актрису.

– Но я – не актриса, – с недоумением вымолвила Анна.

– Нет; вот вы – как раз то, что мы ищем! Понимаете, там героиня должна быть такая одухотворённая, печальная, хрупкая, и в то же время – нестигаемая, с ясным глубоким взглядом, полным любви и смирения; в общем – образ блаженной праведницы – преподобной Феоктисты...

Анну заинтриговал разговор Андрея вместе со всей этой необычной темой; и она заворожено вымолвила:

– Интересно... А как фильм называется?

– Фильм называется «Обетование». Я вам всё расскажу и объясню, что нужно делать. Вы просто спасёте нас! Поедьте прямо сейчас.

– Но куда? – растерялась вдруг Анна. – Я не готова... И вообще, я ещё не дала вам согласия.

Внезапно в зале отключилось освещение, и этот мистический полумрак окатил Анну ознобом, побуждая к действиям без раздумий.

Андрей, воспользовавшись этим внезапным и странным замешательством, решительно взял её за руку и твёрдо произнёс:

– Всё будет великолепно. Это очень просто!..

И он увлék растерявшуюся Анну к выходу...

На улице Андрей, указав на свой «Форд», лаконично отрезал:

– Вот машина; двадцать минут – и на «Мосфильме» будем.

Анна, пытаясь высвободить свою руку из цепкой хватки Ладогина, суматошно выпалила:

– Да вы... Вы бандит какой-то. Актёр... Все вы такие, что ли?

– Нет, только я, – с иронией ответил Андрей и как можно мягче приблизил Анну к автомобилю.

– Господи, ну что мне делать с вами... – сетовала «пленённая» Анна.

Он усадил её, уже успокоившуюся, на переднее сиденье, а сам сел за руль и, включив зажигание, вырулил на проезжую часть. Через несколько мгновений «Форд» растворился в потоке городского автотранспорта...

3.

Утверждение образа

Приехав на «Мосфильм», Андрей повёл Анну сразу в павильон, где проходили подготовительные съёмки фильма. Её ослепили софиты и ошеломили декорации в игре огней и музыки... В павильоне делали пробы, – режиссёр что-то пояснял актёру в трико, а неподалёку высился съёмочный кран с оператором наверху...

Ладогин тут же обратился к режиссёру Покровскому:

– Сергей! Я Феоктисту нашёл!

Покровский обернулся и растерянно спросил:

– Что?

Ладогин возбуждённо продолжил, указывая на Анну:

– Вот, смотри. Каковы очи?

Покровский пристально и пронизывающе посмотрел на Анну, как бы изучая и оценивая внезапную претендентку; она смущённо отвела взгляд.

– Надо пробовать, – это шанс! – не унимался Ладогин.

Покровский мягко обратился к Анне:

– Как вас зовут?

– Аня, – слегка смущённо ответила она, сама не поняв, почему она назвала своё уменьшительное имя, – наверное, сработал какой-то интуитивный ключ доверительности и искренности.

Покровский обратился к актёру, стоявшему рядом:

– Саша, на сегодня – всё. Продолжим завтра. Подготовь весь текст.

– Хорошо, – ответил актёр и направился к выходу.

Музыка затихла, оператор дал команду осветителям:

– Тайм-аут!

А Покровский незамедлительно интегрировал ситуацию одной лаконичной фразой, обращённой к Андрею и Анне:

– Так; в гримёрную.

Андрей радостно подхватил Анну под руку и повёл её готовить к пробной съёмке.

На ходу Анна взволнованно спросила:

– Андрей, вы что, меня прямо сейчас снимать будете?..

– Конечно. А чего ждать-то?

В гримёрной Анну усадили в шикарное кресло, и женщина с острым взглядом профессионала принялась гримировать и вводить в образ преподобной праведницы новоявленную актрису...

Глядя на себя в зеркало, Анна изумилась своему перевоплощению, – из зеркала на неё смотрела пышноволосяя отрешённо-смиренная дева со взглядом инокини и статью сивиллы...

– Надо же; вот чудеса... – слетело с уст Анны.

И вот, она предстала перед режиссёром. Зажглись софиты, включилась камера...

Покровский мягко напутствовал Анну:

– Аня, полный текст будете читать чуть позже; а сейчас – детально, самое основное. Вы – блаженная Феоктиста из Жития Святых. Расслабьтесь и чуть отрешённо говорите: «Господи! Узрели очи мои спасенье Твоё!..»

Анна, набрав воздуха, взволнованно и певуче произнесла:

– Господи! Узрели очи мои спасенье Твоё!..

– Отлично, – отреагировал Покровский. – Теперь – следующий текст: «О, человече! Не опечалай худости моя!»

Анна взволнованно и молитвенно повторила:

– О, человече! Не опечалай худости моя!

Её смиренный и светлый образ в облачении рубища озарил сознание Андрея; и он застыл перед ней, как обворожённый пилигрим...

4.

Вспоминание чувств

...Голоса пассажиров выхватили Андрея из потока воспоминаний; и он осмотрелся. Стюардесса выкатила тележку с напитками, кондитерскими изделиями и провиантом в упаковках.

Бережнов взял лимонад и бутерброды в упаковке.

Он обратился к Леониду:

– Будешь?

– Да пожалуй, съем что-нибудь; лететь-то долго ещё, – отозвался Лёня.

Лёня тоже взял себе еду и лимонад. Татьяна и Покровский последовали его примеру. Лишь Ладогин отказался от еды и напитка, – ему было не до этого...

Бортпроводница пошла дальше по салону, а наши друзья принялись потихоньку поглощать предложенные им яства... Где-то в салоне раздался голос ребёнка:

– Мама, а мы скоро будем в Сибири?

– Скоро, детонька моя, скоро, – ответила мама, – Вот поспим немного, – и уже прилетим.

– А там не воюют? – спросил ребёнок.

– Нет, родной мой; там все хорошие... Спи, мой родной, спи...

Этот голос умиротворял; и Андрей опять откинулся в кресле, закрыв глаза. Воспоминания продолжили своё действие неудержимо и стремительно...

...Машина Андрея Ладогина остановилась возле подъезда патриархального дома со слегка обшарпанным фасадом, где уже стояла Анна... «Форд» весело просигналил, и Анна, встрепенувшись и увидев за рулём Андрея, быстро села в машину с ним рядом.

Он тут же воскликнул:

– Рад вас приветствовать, великая актриса! Ну, куда двинем?

– Я не знаю, Андрей... Может, где-нибудь посидим, – кофе попьём? – слегка смущённо ответила Анна.

– Аня, я предлагаю за дебют выпить шампанского!

– О, это уже захват врасплох!..

– А что? Что мы будем по барам тусоваться; сейчас я дам полный расклад... Берём шампанское и едем ко мне в гости.

Андрей с надеждой взглянул на Анну.

Она непринуждённо вошла в игру:

– О, а это уже – форте-фермата...

– Вы причастны к музыке? – удивился Андрей.

– Да, и даже очень, – с интригой ответила Анна и посмотрела вперёд, как бы исследуя предстоящий путь.

– Вы вбили мне в спину крылья! Значит – едем ко мне. Заодно я дам полный расклад по нашему фильму, – заключил Ладогин и в упор посмотрел на Анну.

Она мягко произнесла:

– Андрей, мне неудобно... Как-то так, сразу...

– Аня, я похож на идиота? – невозмутимо-иронично спросил Андрей.

– Да нет вроде...

– Тогда едем.

И он нажал на газ. «Форд» мягко вырुлил на проезжую часть и скрылся в круговороте движения...

Приехав домой, Андрей провёл Анну в гостиную, а сам решил сделать лёгкий сервис. Анна с интересом разглядывала разные плакаты и коллажи, фотографии Андрея...

Увидев фото мальчика, она спросила:

– А это кто?

– Это я, – семь лет, – ответил Андрей, сервируя стол.

– Такой милый... – слетело с уст Анны.

– Да. Все мы когда-то были милыми... – задумчиво сказал Андрей.

– А сейчас?

– Сейчас – кто успел, тот и спел, – с некоторой досадой ответил Андрей.

Анна задумчиво посмотрела на фото, затем на Андрея и вымолвила:

– Странно всё... Но я думаю, что детство всегда сохраняется в сердце; и этот мальчик семилетний навсегда остался в тебе, он подсказывает тебе, как сделать так, чтобы не было больно... Он – как чистый родник...

Андрей в ответ улыбнулся и тихо произнёс:

– К тому же он не имеет чувства важности и ко всем обращается на «ты», и это правильно...

– Ой... Я совсем забылась, – расслабилась. Простите...

Анна смущённо взглянула на Андрея.

Но он невозмутимо констатировал:

– Нет уж, первое слово дороже, оно от Бога. Так что теперь мы – на «ты», и прошу заметить – безо всякого брудершафта! Это знак...

Андрей посмотрел Анне в глаза и прочёл в них полное согласие.

И он продолжил:

– А теперь – прошу к столу!

Усевшись за стол, Андрей распечатал шампанское и наполнил бокалы... Он посмотрел на Анну. Возникла пауза. Он назвал бы это драматической паузой, обуславливающей исход жизненной позиции...

Затем они подняли бокалы, соприкоснулись ими, издав веселящий звон, и Андрей произнёс:

– За нас...

– И за будущее, – добавила Анна.

И они приступили к исполнению тоста...

У Анны шампанское вышибло слёзы; она, улыбнувшись, произнесла:

– Какое терпкое, прямо до слёз проняло...

– Настоящее, – добавил Андрей, распечатывая шоколад.

Он предложил ей десерт:

– Аня, не стесняйся, будь как дома. Может, ты есть хочешь? Я сейчас сделаю.

– Нет-нет, когда захочу – я скажу. Лучше рассказывай что-нибудь.

И Андрей погрузился в стихию сюжета:

– Наш фильм, Аня, имеет глубокие корни... А мы – как бы плоды этого Древа; и образы, которые мы воссоздаём, должны быть востребованы. Та блаженная Феоктиста является некоей тайной сутью человеческой души, находящейся в странном пустынном мире, где нет близких по духу, где только ловцы и звери; но голос её, обращённый к Ловцу, является одновременно и призывом к людям: « – Встань с колен, человеке... » Она – одна, но какая в ней мощь!..

Анна поддержала его:

– Да, Андрей; я вообще замираю, когда читаю это:

« ...Ныне отпускаеши рабу свою, Владыко, яко видесте очи мои спасенье Твое... »

Она посмотрела на Андрея, и глубина её бесприютного взгляда его околдовала...

И он с каким-то отрешённым благоговением заговорил:

– Прекрасно... Ты – как пришла оттуда, с Пароса, явилась в очи мои... И вообще, время – понятие относительное; в данном случае оно всеобъемлющее... Даже не знаю, как правильной выразить.

Андрей задумался.

Анна продолжила его тему:

– Время не имеет ни конца, ни начала. Это вечное вращение... И оно каждый раз даёт нам шанс... Жизнь играет с нами в такие игры... Разве думала я когда-нибудь, что буду сниматься в кино? Да ещё в такой роли... Андрей, а ты ведь там играешь Ловца. Вот интересно посмотреть.

– Так завтра и посмотришь, – съёмки ведь будут. Вообще, я долго выходил на серьёзную роль; не везло всё как-то, – то режиссёр не тот, то фильм тормозят, то роль не моя...

- А я смотрю – сейчас все снимаются где угодно, даже в рекламе...
- Да... Деньги – вещь однозначная... У меня друг был, вместе во ВГИКе учились. Он режиссёрский закончил, а потом ушёл в бизнес. Вот и всё искусство.
- А ты актёрский заканчивал?
- Да. А теперь жалею, что не режиссёрский. Хочу режиссурой заняться...
- Андрей закурил; затем наполнил бокалы шампанским...
- Анна задержала свой взгляд на полках с книгами; она произнесла:
- Как у тебя книг много... И Гёте... И Бодлер... И Петрарка... И Данте...
- Да, интересуюсь иногда...
- Это здорово. Я вообще, тяготею к поэзии, она помогает...
- Есть такое, – заметил Андрей и спросил:
- Аня, а ты кто по профессии?
- Я – музыкант, – пианистка. Консерваторию закончила. А сейчас – временно без работы. Хотя, уже при деле – в новом амплуа. Благодаря тебе...
- Она улыбнулась и открыто посмотрела на Андрея.
- Он подхватил:
- Так мы с тобой – родные души. А я думаю: чего на выставке тогда меня так примагнитило к тебе? А вот оно – стихия муз – в одной энергии...
- Да, удивительно всё...
- Андрей погасил сигарету и произнёс:
- Ну а теперь выпьем за нашу стихию муз.
- Они подняли бокалы и реализовали суть тоста.
- Андрей по ходу спросил:
- А ты классику играешь?
- Да, в основном – классику.
- Анна помолчала и добавила:
- Но раньше играла всё подряд, точнее – всё, что нравилось. И джаз любила интерпретировать.
- Это уже интересно, – отметил Андрей, – Ну ты мне когда-нибудь поиграешь что-нибудь классически авангардное?
- Сыграю так, что начнёшь стихи писать, – ответила Анна.
- А я пишу иногда. Потом как-нибудь прочитаю...
- Анна как-то ностальгически посмотрела на Андрея. В её глубоких глазах сквозило смятение, смешанное с восторженной отрешённостью, – чувство, заставляющее идти по камням и колдобинам в тайну, притяжение которой и является тем самым безумием, которое искупает холодно-бескрылую прагматику обыденности, это оно – чувство нелепой и светлой радости жизни во всей полноте и немислимой силе безотказно ведёт людей к своим любимым...
- Если хочешь – музыку включим, – предложил Андрей.
- Нет, лучше ещё поговорим.
- Андрей разрезал два апельсина на несколько долек и долил в бокалы шампанское.
- Он взял апельсин и философски поэтизировал свою мысль:
- В плодах таится мощь Истоков, – неисчерпаемая жизнь...
- Человек тоже бывает плодоносным, – мудро подметила Анна.
- Несомненно; если имеет хорошую почву... Но люди почему-то всё чаще теряют себя. Наверно что-то их слегка ослепило... А может, устали...
- Анна, что-то припомнив, продолжила тему:
- Ты знаешь, я как-то недавно одного мужика видела, – божь натуральный, пальтецо такое затёртое, лицо помятое, небритое, а глаза – ну прямо впали в глазницы; видно, что голодный и безработный. Но он так держится – позавидуешь; сидит на скамейке и ни у кого ничего

не просит, только нашёптывает про себя что-то. Даже странно. Кругом – нищие, им все деньги подают; а этот – как будто ни в чём и не нуждается, молча смотрит на всех как-то странно, а иногда взгляд направляет в небо, да как-то загадочно, будто что-то выискивает... Я за ним долго наблюдала – подругу дожидалась, ну его невольно и заприметила...

– Действительно странно, – вымолвил Андрей и задумался.

– Любая странность имеет свой скрытый смысл, – добавила Анна.

– Да, наверное, – согласился Андрей. – Есть люди, которые своим примером как бы показывают другим, что можно, а что нельзя...

Они допили шампанское и приступили к десерту...

Андрей вдруг спросил:

– Аня, а ты веришь в вещие сны?

– Верю... Мне раз приснилось, как будто я нахожусь на каком-то огромном пустыре, кругом – ни души, я – одна, а передо мной – рояль белый, и я играю на нём. А потом я вместе с роялем этим воспаряю куда-то. И такое блаженство меня охватывает... Как в сказке... А на следующий день меня включили в гастролы. А пустырь этот безлюдный означал мою защищённость и независимость; и то, что я воспаряла с роялем – проявилось в моём успехе. Вот.

Она посмотрела на Андрея, а затем как-то смущённо отвела взгляд, о чём-то задумавшись...

– Потрясающе, – вымолвил Андрей и добавил:

– Аня, мы завтра отлично сыграем...

Аня влюблённо посмотрела на него и тихо спросила:

– Андрей, а у тебя есть мечта?..

– Есть. Ты...

Они как по наитию притянулись друг к другу и обнялись...

– Аня, я люблю тебя, – прозвучал жаркий шёпот Андрея.

– И я тебя, – ответила Анна.

И их поцелуй закрепил это неизбежное действие двух сердец, нашедших друг друга...

5.

Тот, кто всё видит

...Ладогин вздрогнул от азартного выкрика, вернувшись в реальность времени, – два каких-то мужика заядло играли в карты, на откидном столике у них громоздилось несколько банок пива. Андрей посмотрел в иллюминатор. Рядом разговаривали его друзья.

– Интересно, как там погода в Новосибирске? – произнёс Покровский, глянув на Бережнова.

– Да нас искусство греет, – ответил Бережнов и добавил:

– Надо бы ещё пива взять, – лететь-то ещё порядочно...

Андрей Ладогин посмотрел на сигнальные кнопки вызова над собой... затем опять в иллюминатор... Перед его внутренним взором предстала жуткая картина его сна: авиалайнер, стремительно теряющий высоту и пронизывающий пространство роковым шквалом шумов и вибраций падения... Чувство тревоги оваяло Андрея своей ледяной волной... А затем пронзительная тоска охватила всё его существо... И он смиренно закрыл глаза, вновь отдавшись светлому и спасительному потоку своей судьбы...

...Андрей и Анна блаженно спали. В окне теплился рассвет, светлым туманом окутывая пространство пустынных улиц... В этой рассветной дымке по совершенно пустому переулку брёл странный человек в длинном тёмном пальто и в шляпе, низко посаженной на лоб. В его отрешённом бездонном взгляде сквозила какая-то вселенская тоска, а слегка перекошенный,

как бы усмевавшийся рот, выдавал в нём чувство нерушимой иронии, имеющей суть незримой брони. И вообще, во всём этом странном субъекте сквозило что-то потустороннее и таинственное. Одной рукой он тащил за верёвки какие-то огромные крылья, которые безжизненно волочились по тротуару... Да, это был субъект не простой; это был загадочно-чуткий, неутомимый, беспардонно блуждающий тип. Скорее всего, это был субъект, по какой-то непостижимой причине попавший не в своё время, а быть может, проникший сюда из каких-то запредельных краёв со своей тайной целью, известной лишь ему одному. Вот и бродил он по бульварам, дворам, закоулкам с этой несусветной обузой, что-то выискивая, вынюхивая...

Иногда он разговаривал сам с собой, но весьма лаконично:

– Ну где же выход? Уже пора. Выход...

Поравнявшись с домом, где жил Андрей Ладогин, этот тип вдруг остановился, как бы что-то улавливая в утреннем воздухе...

И он тихо произнёс:

– Уже теплее... Похоже, он тот, кто нужен...

А затем этот крылоносец, резко выдохнув, двинул дальше, шурша и шаркая по тротуару своими огромными загадочными крыльями...

Между тем, в квартире Ладогина влюблённые начали просыпаться. Аня, приподняв голову, посмотрела на Андрея и тихонько его поцеловала... Андрей открыл глаза и улыбнулся.

Она мягко произнесла:

– Пора вставать, мой милый принц, – искусство не ждёт.

– Да, пора, – ответил Андрей. Он обнял Аню и поцеловал её...

Внезапно Андрей изменился в лице. Он напряжённо смотрел куда-то в пространство...

– Ты чего? – встревожилась Анна. – Что случилось?

– Да какая-то муть приснилась... Тип жуткий какой-то, – ответил Андрей. – Вот же бред...

– Какой тип? – удивилась Анна.

– В длинном тёмном пальто и в шляпе... А за собой тащит какие-то огромные крылья...

Ладогин тяжело, нервозно вздохнул и продолжил:

– И такое ощущение, что он меня разыскивает... И чего-то хочет... Аж мороз по коже...

Возникла пауза. Ладогин смотрел куда-то в пространство, словно опять созерцал этот запредельный образ из сновидения...

– Андрюша, ты успокойся; всякое бывает, не всегда же хорошие сны снятся, – как можно спокойнее ответила Анна.

И она тут же добавила:

– У нас жизнь кругом видишь какая, – сплошное напряжение, вот тебе и привиделась фантазмагория этой реальности. Это просто сон, кошмарный сон. Ну?

– Что – ну? Я и сам понимаю, что это ужастик с налётом хандры нашей промозглой. И всё равно тошно, – продолжал Андрей.

Он посмотрел на спокойную Анну и заключил:

– Ладно. Хрен бы с ними со всеми, сумасбродами этими...

Он быстро встал, оделся и вышел из комнаты.

Пока Андрей готовил завтрак, Анна оделась, умылась и привела себя в порядок.

А между тем, тот самый угрюмый тип, волочивший за верёвки несусветные крылья, являлся не только объектом сновидения Андрея Ладогина, но и был живым персонажем реальной жизни. И вот, этот крылоносец вышел из подворотни, шаркая и шурша своими огромными крыльями, которые он волочил за собой за верёвки...

На улице появились прохожие, их движение было быстрым, – очевидно, они спешили на работу. Но самое удивительное заключалось в том, что прохожие совершенно не обращали

внимания на этого мрачного типа, волочившего крылья по асфальту, – похоже, они его не видели... Так и есть! Для них он был человек-невидимка!

Крылоносец остановился, медленно повернул голову в сторону спешивших людей, как бы сканируя их...

В это время по тротуару шли две девицы. Одна из них вдруг резко остановилась в нескольких шагах от угрюмого типа с крыльями. Она смотрела прямо перед собой, но ничего подозрительного не замечала, – утренняя улица была свободна, и впереди простирался пустынный бульвар...

Её подруга, тоже затормозив, недоумённо глянула на внезапно остановившуюся спутницу и спросила:

– Ты чего?

– Не знаю, – заторможенно ответила девица, резко застывшая на месте. – Мурашек пошёл...

– Что? Мурашек? – удивилась подруга. – С чего бы это? Тормоза у тебя с утра пораньше...

Она вдруг тоже похолодела:

– Ой... Точно. У меня тоже озноб. Что это?

Они переглянулись, и та, что тоже поймала мурашек, вдруг предложила:

– Слушай, это неспроста... Давай-ка в сторонку отойдём. А лучше – куда-нибудь зайдём.

Она осмотрелась и добавила:

– Пойдём в кофейню, вон – через дорогу. Попьём кофейку, а потом и определимся.

– Она, наверное, ещё закрыта, – вымолвила подруга.

Её спутница посмотрела на часы и сказала:

– Скоро откроется, мы будем первыми. Пошли...

Подруга кивнула, и они направились к этой самой кофейне, находившейся на другой стороне улицы.

Между тем, крылоносец тоже решил пересечь улицу. Он медленно двинул поперёк проезжей части, шурша крыльями по асфальту. Но поскольку его никто не видел, на трассе тут же возникла аварийная ситуация.

Легковой автомобиль «Опель», двигавшийся по этой трассе, внезапно затормозил, будто нарвался на незримую преграду... И автомобиль «Жигулей», ехавший сзади, не успел вовремя остановиться и въехал в бампер «Опелю»... Сзади «Жигулей» тут же образовалась пробка.

А из «Опеля» вылез брутальный водитель и стал предъявлять претензии водителю «Жигулей»:

– Ну что, влетел в «минус»? Куда рулишь, баран?!

– Я нечаянно, – не успел, – оправдывался водитель «Жигулей».

– Не успел он, – продолжал пострадавший из «Опеля». – А мне что делать?

Тут из автомобиля «БМВ», затормозившего сзади «Жигулей», выскочил водитель.

И он заорал в сторону двух споривших водителей:

– Эй, мужики! Вы чо, с дуба рухнули? Посреди дороги тут развели базар...

– Да помолчи ты, – огрызнулся водитель «Опеля».

В ответ на это водитель «БМВ» подскочил к водителю «Опеля» и рявкнул:

– Стоять, блин, твою мать!

И он тут же заехал ему кулаком в челюсть. Водитель «Опеля» рухнул на дорогу.

Водитель «БМВ» яростно добавил:

– А теперь лежать!

Вокруг стали собираться люди, ставшие невольными свидетелями этого инцидента. Подъехала полиция...

А на тротуаре этой широкой улицы стоял человек-невидимка, державший за верёвки свои несусветные крылья, и наблюдал за происходившим на дороге...

Внезапно его крылья, лежавшие на асфальте, увеличились... И они слегка потемнели...

Угрюмый крылоносец, видимо, это понял, он глубокомысленно произнёс:

– Когда же вас всех образумят? С утра пораньше упасть норовите...

А в квартире Ладогина Андрей и Анна собирались завтракать.

– Анюта! – крикнул Андрей, накрывая на стол.

– Я тут! – ответила Аня из-за его спины, и они расхохотались...

Они уселись за стол и принялись завтракать.

– Ну как глазунья? – спросил Андрей.

– Потрясающе, – ответила Аня, – Ты меня просто изумляешь.

– Это радует. Сейчас будем пить кофе.

Заварив кофе, Андрей опять спросил у Анюты:

– Ну как?..

– Ты просто напрашиваешься на комплименты, – весело ответила она. – Ну нет слов!

– И это греет, – отреагировал довольный Андрей.

Он попробовал кофе и спонтанно выдал:

– Я пью горячий хмель судьбы, – спиной – к стене, лицом – к рассвету...

– Гениально, – констатировала Анна, – Это откуда?

– Из глубины опальных душ...

– О, мы уже входим в роль? – она восхищённо посмотрела на своего избранника.

– Влетаем, Анечка; текст не забудь, – Феоктиста требует внимания.

– Он у меня уже в крови.

– Я верю в тебя...

Они допили кофе и начали собираться...

Уже на улице, садясь в машину, Аня спросила:

– Андрюша, а ты ничего не забыл?..

– Всё моё – с собой, – лаконично и ёмко ответил Андрей.

– Тогда – вперёд!

Андрей завёл двигатель и нажал на газ. «Форд» плавно вырулил на проезжую часть...

6.

Преображение

Тем временем на пустыре, в отдалении которого одиноко возвышалась небольшая старая церковь, уже расположилась съёмочная группа. Режиссёр давал наставления оператору:

– Лёня, бери сначала по центру. А дальше проезд делай. Потом смонтируем, как надо.

Подъехавший «Форд» Ладогина отвлек Покровского от наставлений; из машины вышли Андрей с Анной.

– Рад вас видеть! – приветствовал их режиссёр.

– Мы тоже! – ответил Ладогин.

Покровский тут же обратился к подошедшей Анне:

– Так; Аня, давай к Татьяне – переодевайся.

Аня кивнула и направилась к визажисту. Татьяна достала рубище и всё остальное, необходимое для образа Феоктисты; затем, усадив Анну на раздвижной стул перед зеркалом, принялась её гримировать...

Андрей тем временем тоже менял обличье, превращаясь в Ловца с острова Парос...

Покровский, жестикуюлируя, давал ещё одну установку оператору:

– Лёня, вот как он появится в кадре – спокойно за ним, по ходу; а когда он к храму приблизится – резко вверх пойдёшь. Потом удачный дубль выберем...

– Кран-то не рухнет? – пошутил Лёня.

– Не рухнет, – автоматически ответил Покровский.

Он тут же нервно отреагировал:

– Что ты каркаешь под руку?

– Извини, Иваныч, – шутка, – произнёс Лёня.

– Нашёл время.

Лёня тут же продолжил рабочую тему:

– Я всё понял. Только мне же потом надо будет в церковь въехать.

– Ну и въедешь, – я знак тебе дам, – уже спокойно сказал режиссёр.

– Ну, я готов, – произнёс Лёня, настраивая камеру.

Тут возникла Анна в образе Феокисты.

Покровский отвёл её в сторонку, оценил взглядом и произнёс:

– Ну что, Аня, неплохо... Только сначала – там, в церкви ты будешь без одежды, нагая, – в соответствии с историческим действием. Как только Ловец войдёт в церковь – сразу твой текст пойдёт...

– Я поняла.

– Ты пока накинь что-нибудь, а рубище своё Андрею отдай. Текст помнишь?

– Да, Сергей Иванович.

– Ну и отлично. Работаем.

Анна быстро прошла к микроавтобусу и скрылась в глубине салона... Затем она вышла в плаще, отдала рубище Андрею и направилась к церкви...

Прозвучала команда режиссёра:

– Поехали! Аня, исчезай в своей обители! Камера!

И Анна скрылась в глубине церкви...

Камера наехала на Ладогина в обличии Ловца.

Он пошёл по пустырю, превратившемуся в остров Парос...

Взгляд Ловца остановился на старой заброшенной церкви... И он вошёл в этот запустелый храм...

Нашёптывая молитву, Ловец осенил себя крестным знаменем... И вдруг он увидел в углу отсыревшую густую паутину – от основания до верхней перегородки, как бы колеблющуюся от сквозняка... Он подошёл к этому загадочному месту и поднял руку, чтобы сорвать эту странную завесу.

Но внезапно его остановил призрачный женский голос, прозвучавший из-за этой завесы:

– Стой, человеце! Не приступай ближе, стыжюся бо, яко жена есмь нага...

– Кто еси ты?.. И како в пустыне сей живеш?! – в изумлении воскликнул Ловец.

Он шарахнулся назад, и тут же услышал в ответ:

– Молю тя, поверзи ми одежду, и егда покрыю наготу мою, тогда елико ми Господь повелит, скажу тебе, яже о мне...

Ловец снял с себя рубище и, положив его на землю, вышел из церкви. Из-за паутинок вышла смиренная обнажённая дева и надела на себя оставленное ей рубище.

Ловец опять вошёл в церковь. Увидев перед собой блаженную инокиню, он рухнул перед ней на колени. Она тем временем нашёптывала молитву...

Затем она обратилась к Ловцу, глядя на него проницательно и беспристрастно:

– Встань с колен, человеце...

Ловец встал, не сводя глаз с Феокисты.

Она же продолжила:

– Бог да помилует тя, человекче. Коя ради вины в Пустыню сию пришёл еси, кая же ти есть потреба в пустом сем Острове? В нём никтоже обитает; но понеже настави тя Господь сему, якоже мню, моего ради смирения, и хочеши уведати яже о мне вся исповем тебе...

Феоктиста сделала паузу, как бы обдумывая что-то; затем она продолжила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.